

Сумерки залили небо, словно старик на смертном одре, переживающий вспышку озарения перед приходом абсолютной тьмы. Огромные багровые облака над островом Байцзы обожгли проплывающий мимо вечерний туман, из-за чего белоснежный островок невольно оказался в рядах закатной зари.

В густой пелене тумана, словно призрак, металась черная тень, и временами оттуда доносилось странное напевание.

Неизвестно откуда налетел порыв ветра, в мгновение ока разметав эту жуткую тишину. Призрак замер, пение стихло, и остров снова погрузился в затянувшееся безмолвие — слышался лишь самый обыденный звук морских волн, бьющихся о гальку.

— Бушующий ветер всполошил закатный туман, на мосту Найхэ души переправляют, — негромко пробормотал черный силуэт, а следом раздался залиvistый смех: — Похоже, ужин на сегодня обеспечен!

Сказав это, тень поспешила к берегу.

Кто-то мог бы спросить, почему туман рассеялся, а тень осталась тенью? Всё дело в том, что этот человек с головы до ног был закутан в черную ткань, и даже те несколько прядей волос, что выбились наружу, были черными, словно блуждающий дух. Если бы не голос, звучащий как у подростка лет тринадцати-четырнадцати, можно было бы подумать, что в преисподней Янь-вана пробило брешь, и оттуда сбежал маленький чертенок.

Достигнув берега, тень, ориентируясь на шум прибоя, бросилась к своему ужину.

Вскоре неподалеку от той самой добычи из-под белой гальки начали показываться разноцветные существа. Они осторожно подбирались к незваному гостю, желая посоревноваться с ночной тенью в том, кто первым поглотит этого неудачника.

— Эй, кыш, кыш, прочь отсюда! Еле-еле удалось добыть еду, не смейте отбирать у меня, — закричала тень, топая ногами и отмахиваясь, чтобы разогнать разноцветную ораву.

Те, кого отбросили в сторону, пришли в ярость и, размахивая когтями, бросились на обидчика. Тень даже не пикнула — она к такому давно привыкла.

— Паршивые букашки, только и думаете, как бы на халяву поесть! Дядюшки Цзюня нет, так вы решили, что можно меня задирать? — выругалась тень, позабыв, что сама сейчас собирается сделать ровно то же самое.

Потирая ушибленную лодыжку, тень подошла поближе, намереваясь проверить, насколько сильно прожарился этот бедолага, случайно забредший на Байцзы. Но рука замерла на полпути: тень услышала, что этот гость, который уже должен был отправиться на мост Найхэ,

дышит! Еще больше ее поразило то, что по частоте дыхания это был человек.

В голове промелькнуло несколько мыслей, но в конце концов, стиснув зубы, она нащупала тело и ухватилась за него.

— Ну и тяжелый же! — тень потащила человека за руку по песку. — Эх, думала, сегодня пирог с неба упал, а оказалось — человек. Тьфу, да еще и живой!

В словах тени не было иронии. Остров Байцзы на самом деле называли Островом Белых Костей: белая галька на берегу — это останки людей и зверей, которые, заблудившись, попали сюда и были обглоданы ядовитыми тварями, а затем отполированы морскими волнами до состояния песка.

С самого детства тень видела лишь двоих: дядюшку Цзюня и старуху Хуан, которую тот приводил лечить ее. Этот человек был третьим, кого она встретила, причем живым. Раньше сюда забредало немало людей, но все они погибали так основательно, что даже костей не оставалось.

Хоть тень была еще юна, правила острова она знала: войти можно, выйти — нет.

— Я просто спрошу, как он умудрился выжить, когда входил. Да, спрошу, потом попрошу дядюшку Цзюня поправить массив, а потом снова брошу его туда на проверку, — начала она рассуждать сама с собой, придумывая оправдание своему спасению.

Ничего не поделаешь: с тех пор как случилось то событие, дядюшка Цзюнь здесь больше не жил. На острове, кроме нее, были лишь ядовитые насекомые. А те, кроме как кусаться, ничего не умели. Она ведь еще ребенок, и раз уж кто-то пришел, конечно, нужно оставить его для развлечения.

— Кто не погиб в великой беде, того ждет великая беда. Встретил меня — значит, не повезло, ха-ха-ха! — продолжала она заниматься самовнушением, волоча человека к единственному дому на острове.

Пройдя несколько шагов, тень внезапно разжала руки, с глухим звуком повалилась на землю и принялась колотить кулаками по гальке:

— Красные, оранжевые, желтые, зеленые, синие, фиолетовые, выходите!

Вскоре те самые насекомые, которых она разогнала, снова выползли и закружили вокруг нее. Тень погладила синего скорпиона, забравшегося ей на ладонь:

— Тысячу дней кормила, пришло время отплатить. Вы так долго ели и пили за мой счет, в этот раз придется потрудиться.

Синий скорпион яростно взмахнул клешнями, выражая согласие.

— Ой, да не отравить его! Если отравите, зачем я тогда его тащила? Помогите мне дотащить его до дома, — тень смахнула несуществующий пот и приказала: — И несите осторожно, не вздумайте убить!

Сказав это, она бросила скорпиона на землю и, отряхнув руки, зашагала прочь. Скорпион, перевернувшись несколько раз, грозно погрозил клешней вслед удаляющемуся виновнику своих бед.

Тень, словно почувствовав это, замерла:

— М? Хотите, чтобы я пожаловалась дядюшке Цзюню, что вы меня не слушаетесь?

Услышав это, синий скорпион, знавший, что умная тварь не лезет на рожон, тут же зарылся в гальку. Остальные последовали его примеру.

— Шевелитесь, не тяните время! — скомандовала тень, продолжая путь.

Позади послышался шорох, и человек на земле начал медленно двигаться.

— С-с-с... — от трения о неровную гальку раны на спине заныли, и потерявший сознание человек невольно простонал. Если бы он сейчас очнулся от боли и увидел, что его несет орава ядовитых тварей, он бы точно пожалел, что не погиб сразу. Кровь, выступившая на спине, оставляла алый след, который тут же слизывали следовавшие следом насекомые. Разноцветная компания начала беспокойно суетиться.

Тень, словно имея глаза на затылке, крикнула:

— Эй! Ладно-ладно, те, кто сзади, не вздумайте пить его кровь. Она что, вкуснее моей?

Когда насекомые дотащили человека до двора, она рывком подняла его, затащила в дом, бросила на пол и, выйдя наружу, сказала семи ядовитым тварям:

— Белый отправился на охоту, так что вы сторожите здесь. Не дайте другим насекомым его сожрать, вернемся — покормлю вас.

Сказав это, она растворилась в ночи.

Через некоторое время тень вернулась с охапкой целебных трав и рыбой, болтающейся в руке. Бросив все в кухню, она подошла к голодной ораве, взмахнула рукой, и на землю пролилась

струйка свежей крови. Насекомые набросились на пир, и белая галька вмиг забурлила, как кипящая вода. Пролившаяся ядовитая слюна разъела песок, образовав пустое место, которое тут же засыпалось движущейся галькой. Через пару минут все стихло.

— Ну вот, этого вам хватит на три дня. Не приходите ко мне в ближайшее время, мне нужно допросить этого живого человека, — сказала тень и вошла в дом заниматься рыбой.

— Папа... папа...

Тень как раз ела рыбу, когда вдруг услышала голос у своих ног. Выплюнув кость, она усмехнулась:

— Малыш, раз уж ты признал меня отцом, так и быть, позабочусь о тебе, сынок.

Она вышла из комнаты, бросила травы в каменную ступку и начала толочь.

— Повезло тебе: есть и отличное снадобье от ожогов Баньханьцзы, и моя ступка, в которой я постоянно готовлю лекарства. Ты не зря назвал меня отцом! — она привычно заговорила сама с собой. — И что мне сказать, если он очнется? Быть строгой? Или холодной и отстраненной, как дядюшка Цзюнь?

Натолкав лекарство, тень подошла к гостю, ногтем распорол его одежду, как у цзунцзы, и раздела донага. Затем ощупала грудь, провела рукой ниже и, наткнувшись на кое-что, резко отдернула руку.

— Похоже, действительно сын, а не дочь, — пробормотала она, помедлила, а затем густо намазала лекарство на свою черную ткань, в которую обычно заворачивалась сама, и, как в кокон, плотно обмотала человека, не оставив ни единой щели.

Закончив, она пнула ногой свою туфлю, и та по идеальной дуге прилетела прямо в голову человеку. Тот издал стон, подавая признаки жизни.

— Не шуметь! — тень запустила вторую туфлю, снова попав в голову, и окончательно вырубил гостя.

Когда Е Сюаньчэ очнулся, он обнаружил, что вокруг кромешная тьма. Поморгав, он убедился, что не в бреду, и попытался смахнуть ткань с лица, но обнаружил, что спеленут, как шелкопряд.

Он попробовал пошевелить ногами и с удивлением отметил, что раны почти не болят, зато лоб ноет. Он хотел было разорвать кокон, но тут сверху раздался насмешливый голос:

— Послушный сынок, наконец-то проснулся.

Е Сюаньчэ замер. Голос принадлежал ребенку лет тринадцати-четырнадцати. Неужели он спас его? Перед глазами мелькнуло, черная ткань на лице была сорвана, но ослепительного света не последовало — вокруг по-прежнему была тьма, и лишь слабый свет рядом с силуэтом позволял разглядеть очертания человека. Е Сюаньчэ подумал, что уже попал в преисподнюю.

— Ну же, сынок, дай отцу посмотреть, так ли хорош Баньханыцзы, — тень присела, нащупала лицо Е Сюаньчэ и сильно сжала.

Тот почувствовал боль, словно осыпалась штукатурка — с лица отвалились корки запекшейся крови.

— М-м, похоже, дядюшка Цзюнь не обманул, Баньханыцзы — действительно чудодейственное средство от ожогов. Твое лицо, которое было прожарено до хруста, теперь гладкое, как очищенное яйцо, — тень продолжала ощупывать его лицо, кивая самой себе.

— Благодарю за спасение. Я исполню любую вашу просьбу в качестве награды, но прошу, не шутите над моим отцом, — Е Сюаньчэ отвернулся, высвобождаясь из цепких пальцев, и произнес это холодным тоном.

— Пф, если бы ты в бреду не звал меня папой, я бы и не признала тебя таким проблемным сыном, — поднялась тень с пренебрежением.

Хотя Е Сюаньчэ не видел лица, он мог представить, как она кривит губы под черной тканью. Он никогда не встречал настолько бесстыдного человека, который принял бы бред умирающего за обращение к себе.

— Меня зовут Ху Инь, а как ваше имя? — у Е Сюаньчэ была важная миссия, он не мог допустить ошибок. Он не знал, друг перед ним или враг, поэтому не хотел называть свое настоящее имя.

— Я? Меня зовут Сяо Юй, — выдумала имя Лин Сяо, бросила ему черную мантию и вышла из комнаты. — Твои раны должны были зажить. На заднем дворе есть чан с водой, помойся, переоденься и приходи ко мне обсудить плату за спасение.

Когда Е Сюаньчэ, умывшись и переодевшись, вышел во двор, он увидел, что Лин Сяо заваривает чай. Она держала чайник через ткань мантии, и струйка воды, казалось, должна была пролиться мимо чашки, но та вдруг сама собой сдвинулась и поймала всю воду. Е Сюаньчэ сел напротив и заметил, что рядом с чашкой лежит змея того же цвета, что и стол; если не присмотреться, ее было совсем не видно.

— Здесь почти все растения ядовиты, только листья бодхи годятся для чая, — Лин Сяо

взмахнула рукавом, и змея пододвинула чашку.

Е Сюаньчэ посмотрел на нее, но не притронулся. Он молча разглядывал человека, полностью скрытого под черной мантией, а затем заметил, что каменный стол и стены исписаны иероглифами. Похоже, этот человек и правда слеп.

— Я спасла тебя, так что ты должен дать мне то, что я хочу, иначе тебе не выбраться с острова Байцзы, — Лин Сяо впервые общалась с чужаком, поэтому сразу перешла к делу.

— О? И чего же ты хочешь?

— Все просто. Честно ответить на несколько вопросов, — Лин Сяо положила руки на стол, и под тканью послышался стук костяшек пальцев о столешницу. — Слушай внимательно: отвечай честно. Не как с именем — так лениво и лживо. Я слепа, но не глупа, и здесь, — она указала на сердце и голову, — у меня все в порядке.

Е Сюаньчэ был слегка удивлен, но вскоре усмехнулся, взял горячий чай, подул и выпил залпом. Если раньше он был настороже, то теперь был уверен: перед ним просто не знающий мира ребенок. Только такие дети могут быть настолько прямолинейны и не склонны к уловкам.

— Раз так, спрашивай, я отвечу. Но правда это или нет — решать тебе.

— Ты хочешь, чтобы я говорила правду, а сама требуешь, чтобы я еще и распознавала ее?

— Если ты мне не веришь, то даже правдивые слова покажутся тебе ложью.

Лин Сяо помолчала, сочла это разумным и спросила:

— Первый вопрос: откуда ты?

— С Южных земель.

— Люди Южных земель всегда нас опасались. Зачем ты пришел?

— Охотиться.

— На кого?

— На Алого чешуйчатого огненного акулу.

— Хм! — Лин Сяо усмехнулась. — Ты прорвался через грозовой массив за пределами острова. Как тебе удалось выбраться невредимым?

— Ты думаешь, это можно назвать невредимым?

— Не будь неблагодарным. Вся белая галька вокруг — это осколки костей зверей и людей, которых отбросило на берег после контакта с массивом. Ты — первое живое существо, которое я видела за столько лет, сумевшее войти на Байцзы после грозового массива.

— Вот как? — Е Сюаньчэ задумчиво кивнул. Оказывается, стоило немного подзадорить ребенка, и она сама все выложила.

— Отвечай на вопрос! — Лин Сяо не заметила, как ее обвели вокруг пальца, и продолжала допрос.

— Отец дал мне одну вещь.

— Вещь? Какую?

— Бамбук Жгучего Солнца с нашей горы Цзюян.

— Вот оно что. Похоже, придется попросить дядюшку Цзюня усилить защиту массива от огненных артефактов, — Лин Сяо хихикнула, ни на секунду не усомнившись в словах Е Сюаньчэ. — Третий вопрос: тебе едва исполнилось пятнадцать, твое врожденное сокровище еще не пробудилось. Как твоя семья могла позволить тебе в одиночку охотиться на Алу ю чешуйчатую огненную акулу? Не говори мне, что ты был не один — в тот день ветер был сильным, но если бы людей было много, сила ветра была бы иной.

Наступила долгая тишина.

— Эй, я тебя спрашиваю! Слышишь? — Лин Сяо постучала по столу, но в следующую секунду почувствовала, как тело онемело.

— Хм! Маленькая слепая, у меня нет времени играть с тобой в игры, — голос Е Сюаньчэ стал холодным. — Раньше я просто подыгрывал тебе, не думай, что я тебя боюсь. Оставайся здесь, прощай.

Лин Сяо не ожидала, что он так быстро перейдет к действиям. Она опешила, и лишь спустя мгновение услышала грохот падающего стула. Это был Белый! Конец!

— Белый! — закричала Лин Сяо, приходя в себя.

Е Сюаньчэ, только сделавший шаг за порог, почувствовал боль в лодыжке. Перед глазами мелькнули два острых змеиных клыка, затем последовала боль в шее, и прежде чем потерять сознание, он увидел, как из-под белой гальки выползает целая орава разноцветных насекомых...

<http://bllate.org/book/21754/2249397>